

ПРОЛОГ

...Они приходили с Севера, сильные, рослые, отчаянно храбрые и жестокие. Их называли по-разному: норманны, викинги, варяги, но везде и повсюду они вселяли ужас, ненависть... Однако и какое-то почтение. Ибо в те темные варварские времена сила считалась чем-то достойным, внушающим уважение.

Еще пророк Иеремия предсказал пришествие времен, когда невиданный враг придет с Севера, и теперь монахи в церквях твердили, что жестокие завоеватели на кораблях-драконах не что иное, как кара христианам за грехи, и творили молитву «От ярости норманнов¹ избави нас, Господи!»

На своих маневренных кораблях норманны входили в устья рек, поднимались по ним в глубь стран, разоряли селения, грабили монастыри. Крупные города, такие как Новгород, Гамбург, Париж, Нант, Бордо, Тулуза, Лондон, Йорк, Лиссабон, Севилья, неоднократно подвергались их нападениям, дерзость и смелость этих ловцов славы и богатства не знали границ. Нельзя сказать, чтобы жители Европы не оказывали им отпора и не одерживали побед. Однако северные люди появлялись вновь и вновь, и за их новыми победами забывались прежние поражения.

Что заставляло этих выходцев из Скандинавии оставлять родной берег и искать удачу на стороне? Скудная ли почва, которая не могла прокормить возросшее население, воинственная ли религия, освящавшая победу сильнейшего, или жестокость и авантюризм, приписываемые жителям Севера, — но с восьмого столетия они стали грозой всей Европы.

«Мы не верим ни во что, кроме нашей силы, нашего оружия и нашей храбрости», — пели их скальды², гордясь своим происхождением и своей удачей. Христианская Европа была разобщена, ослаблена — она стала легкой добычей для норманнов. Но нельзя сказать, что эти люди были только извергами, несущими смерть. Они были и прекрасными ремесленниками, путешественниками, торговцами. Торговля с этими бороздящими волны «королями моря» приносила прибыль. Однако постепенно земли, которые они

¹ Норманны — *nortmenns* — северные люди.

² Скальд — *skald* — древнескандинавский поэт-певец в дружине викингов.

так часто посещали, покидая свою холодную родину, стали манить их все сильнее. Северные люди переезжали туда с семьями, селились и осваивали их. Они колонизировали Исландию, покорили Ирландию, обосновались на Рейне и в Англии, на берегах Балтики и в землях славян. Селились они и в богатых краях западных франков. Когда-то император франков Карл Великий смог организовать им отпор. Но после его смерти некогда могущественная империя была раздроблена и стала легкой добычей норманнов.

И вот тогда-то и появился викинг по имени Ролло — Роллон, как звали его франки, или просто Ру, как именовали его в подвластных землях. Объявленный у себя на родине в Норвегии вне закона, он решил стать королем в краю северных франков и подчинил их себе. Древний франкский город Ротомогус, переименованный в его честь в Руан, был объявлен столицей. Ролло начал править в нем, издавать свои законы. Когда-то еще его отец, тоже Ролло, сын Бычьего Торира, прозванный Пешеходом, обосновался в этом краю, после того как измученное постоянными налогами местное население выразило готовность повиноваться ему, лишь бы он оградил их от новых набегов. Это было в семидесятых годах кровавого девятого века. Но уже в начале десятого века место погибшего Пешехода занял его незаконнорожденный сын, молодой Ролло, которого также продолжали звать Пешеходом, путая с отцом, как из-за их имен, так и благодаря внешнему сходству, а трудившиеся в темных кельях над анналами¹ монахи-каллиграфы только дивились долгожительству и необычной молодости того, кого столько лет почитали повелителем земли, называемой отныне Нормандией. Ибо в тот грубый век двадцатилетний человек считался вполне зрелым, а сорокалетний — стариком. Ролло же словно был вечен и оставался молодым. И непобедимым. Земля северных людей — Нормандия, стала его владением, и самые именитые правители Франкии: король Карл III Простоватый, герцог Нейстрии Роберт Парижский, графы Вермандуа, Пуатье, Фландрии — герцог Рихард Бургундский, правители Бретани — все они вынуждены были смириться с этим. Языческий правитель, пришедший с Севера, становился им ровней. Могли ли они, христиане, терпеть этого язычника?

¹ Анналы — *annales* — у древних римлян, египтян, персов и других народов: запись наиболее значительных событий по годам; летопись.

Они уступали ему. Они были слабее, и этому в немалой степени способствовали их постоянные распри. Король Карл не пользовался особым авторитетом и оставался главой франкской знати лишь благодаря громкой славе своих предков Каролингов. Мир без короля тогда казался невыносимым, и хотя Карл и был помазанником Божиим, но в тот век, когда королевства и короли появлялись одно за другим, слишком много сильных правителей считали, что венец короля был бы им более к лицу. Так же думал и возвысившийся язычник Ролло. И не скрывал этого, мечтая завоевать себе королевство по праву сильного. Он мечтал основать свою династию. Однако его скандинавская жена, загадочная колдунья Снэфрид Лебязьебелая, была бесплодна. Но вот в начале 910 года ко дворам франкских феодалов пришла весть о том, что Роллон Нормандский, оставив Снэфрид, привез себе из Байе новую невесту, которая уже ждала от него ребенка. Ее звали Эммой, и у нее было забавное прозвище Птичка.

Эта избранница языческого повелителя Нормандии была в родстве с самим королем Карлом Простоватым, а также с самым могущественным герцогом Робертом Парижским. И хотя девушку и продолжали называть по титулу ее приемных родителей Эммой из Байе, но еще никто не знал, что повлечет за собой этот союз завоевателя и франкской принцессы.

ГЛАВА 1

910 год от Рождества Христова

Весть о браке правителя Нормандии достигла его столицы Руана еще до того, как корабль с оскаленной драконьей головой на носу бросил якорь в гавани города. Толпы людей заполонили набережную и мост над рекой, они шумели, выкрикивали приветствия, ликовали. Здесь собирались пришельцы с Севера с семьями, франки, саксы, бретоны, евреи — все, кому последние мирные годы под властью Ролло дали возможность передохнуть от войн и набегов, зажить спокойной оседлой жизнью.

Когда-то разоренная, опустошенная войнами и грабежами, Нормандия при Ролло ожила и теперь приветствовала своего правителя

и его избранницу. В городе вот уже несколько дней шли приготовления к пиру, и сейчас толпа славилась тех, ради кого велись все эти приготовления. Люди любовались молодой парой, желали им счастья. Ибо Ролло и его избранница были поистине прекрасны.

Конунг¹ был очень крупным, привлекательным мужчиной, с широкими плечами и мощной грудью воина. Резкие черты лица — квадратный, немного выступающий подбородок, высокие скулы, жесткая, будто прорисованная, линия рта, тонкий прямой нос — только усиливали притягательность холодных светло-серых глаз, контрастировавших со смуглым обветренным молодым лицом. Густую гриву длинных русых волос сдерживал блестящий серебряный обруч.

Его избранница была просто красавицей. Густые медно-рыжие волосы растрепались на ветру и словно пылали огненным жаром, обрамляя тонкое лицо. Они ярко оттеняли ее большие карие глаза, искрящиеся счастливым блеском из-под длинных, немного загнутых на концах ресниц. Ровные мелкие зубы сияли в улыбке, на нежных щеках играли ямочки. Она смеялась, махала рукой, явно наслаждаясь этой шумихой и всеобщим вниманием.

Эмма Птичка была среднего роста, но рядом с крупным высоким северянином выглядела особенно хрупкой и маленькой. На теплом апрельском ветру, в облегающем светлом шерстяном платье она казалась очень изящной. Во всей ее тонкой длинноногой фигуре еще чувствовалось что-то подростковое, и это тем более умиляло толпу, ведь все уже знали, что она ждет ребенка от этого огромного Ролло.

Конунг Нормандии белозубо смеялся, левой рукой то и дело прижимая к себе невесту. Она родит ему наследника — сына, которого с нетерпением ждали все подданные. Ибо эти люди, считавшие себя уже нормандцами, нуждались в династии северянина, дабы быть уверенными, что род правителя, с которым они познали мир, не прервется и они и дальше будут жить под властью того, кто дал им защиту, а стране — процветание.

Это было тем более долгожданным событием, ибо Роллон решил объявить Эмму своей законной женой.

Когда драккар² причалил и стукнулся бортом о бревенчатый настил длинной пристани, конунг Ролло легко подхватил невесту на

¹ Конунг — у скандинавов правитель, король.

² Драккар — длинная ладья викингов.

руки и спрыгнул со своей драгоценной ношей на причал. Все его движения были уверенными, двигался он удивительно легко. И все же Эмма на миг испугалась, охнула и, зажмурив глаза, крепко обвила его шею. Но Ролло лишь улыбнулся и легко понес ее по сходням наверх. Толпа довольно загудела и разразилась криками ликования, когда он, держа невесту на руках, повернулся к ним и громко выкрикнул приветствия. В воздухе стоял шум и лязг оружия, когда воины по старинному обычаю ударяли мечами по щитам, выражая свое одобрение происходящему.

Эмма счастливо смеялась, болтала ногами, разглядывая людную пристань. Правда, на миг улыбка застыла на ее губах, когда она бросила взгляд на кресты, сиявшие на аббатстве Святого Мартина-за-Мостом. Она согласилась стать женой языческого правителя Нормандии по его варварскому обряду, без венчания в церкви, и поэтому колокола христианских храмов молчали.

— Что с тобой, Птичка? — участливо спросил Ролло, увидев, как облачко грусти тенью проскользнуло по челу его невесты. — Разве ты не счастлива?

«Я не выполнила того, что от меня ждали, и не спасла душу Ролло от геенны огненной! Однако, видит Бог, никто не убедил меня в том, что я рано или поздно не настою на своем».

Она ничего не ответила, а тряхнув своими роскошными волосами, нежно приникла к груди Ролло.

— Как я могу быть несчастной, когда я с тобой, мой Ру!

Она широко улыбнулась. Эмма выглядела счастливой, даже когда узнала, что ее духовный наставник, епископ Франкон Руанский, не явился на свадебный пир, хотя и числился среди приглашенных. Этим он словно хотел подчеркнуть свое недовольство языческим союзом правителя Нормандии. Правда, епископ устно сослался на уважительную причину — тяжелый приступ подагры, и даже прислал своего помощника, приора Гунхарда, но на самом деле достойный преподобный отец был отнюдь не так болен, как хотел показать.

Когда вечером молодой приор Гунхард вернулся из дворца правителя Ру, епископ ожидал его, сидя в кресле перед небольшим складным столиком. Перед ним покоилось роскошное, оправленное серебром и инкрустированное драгоценными камнями Евангелие.

Приор Гунхард скромно остался стоять у порога, а епископ словно не замечал его, углубясь в чтение. Наконец он негромко прочел: